

УДК 159.9

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ Л.С. ВЫГОТСКОГО

Статья посвящена проблеме развития феноменологической психологии Л.С. Выготским в то время, когда собственно феноменология не могла быть принята научным сообществом. Рассматриваются возможности развития «другой» психологии в отечественной культуре и науке.

Ключевые слова: душа, категория, переживание, феноменологическое исследование, феноменология.

PHENOMENOLOGY OF L.S. VYGOTSKY

The Article is devoted to the problem of development of phenomenological psychology By L.S. Vygotsky at that time, when phenomenology itself could not be accepted by the scientific community. The possibilities of development of "other" psychology in the national culture and science are considered.

Key words: soul, category, experience, phenomenological research, phenomenology.

Введение. Известно, что Л.С. Выготский не принимал феноменологию, не доверял ей и не понимал, как это направление может решить задачу формирования человека коммунистического будущего.

Да и у предтечи феноменологии Э. Гуссерля отношение к современной ему психологии было неоднозначным. Однако он никогда не отвергал важности эмпирического изучения психологических феноменов, как не ставил под сомнение ценность экспериментальной психологии и проделанной ею работы [1]. В этой связи, утверждение Л.С. Выготского о том, что Э. Гуссерль «с презрением третировал» экспериментальную психологию, является ложным и крайне предвзятым – как и вся его критика феноменологического метода и феноменологии (Улановский). Для критики феноменологии Выготский выбрал эйдетическую психологию, которая как утверждал классик, не применима для отбора вагоновожатых [2].

Э. Гуссерль считал, что любая эмпирическая работа должна осуществляться на почве феноменологически проясненных понятий и данных опыта, благодаря ему психология может подняться на более высокую ступень научности. В противном же случае психология, гордая своей опытностью, будет постоянно пополняться измышленными феноменами и психологическими анализами, которые даже не являются в строгом смысле «анализами» [3].

Тезис первый (I). Я хочу показать, что в своей сущности Л.С. Выготский в предложенной им в 20–30 годы психологии взял на вооружение феноменологический метод, нигде и никогда об этом вслух не заявляя.

Какие у меня есть основания на данное утверждение?

Со стороны феноменологии (I.I). Целью феноменологического исследования в психологии является получение ясных, точных и систематичных описаний тех или иных аспектов **переживания** человека. Феноменологическое исследование представляет собой качественную стратегию сбора и анализа данных о феноменологическом составе переживания и смысле, который имеет для человека определенный предмет, ситуация, событие или какой-то аспект собственной жизнедеятельности. Категория переживания есть предмет феноменологии как метода исследования.

Со стороны Л.С. Выготского (I.II). Можно ли у Выготского найти тексты, где феномен переживания рассматривается, анализируется, встроен в теоретическую концепцию? Да и, по крайней мере, два текста.

Встреча первая. Категория переживание. Для доказательства тезиса я представлю уточняющее прочтение закона культурно-исторического развития, которое предложил Вересов – один из лучших исследователей Л.С. Выготского. А также приведу прочтение концепции «переживание».

Закон культурно-исторического развития сформулировал Выготский в следующем виде: всякая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцену дважды, в двух планах, сперва – социальном, потом – психологическом, сперва – между людьми, как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка, как категория интрапсихическая. Это относится одинаково к произвольному вниманию, к логической памяти, к образованию понятий, к развитию воли.

Данная цитата, хорошо известна, ее часто приводят, не задумываясь над сутью, как бы по умолчанию: и так как все всем понятно, о чем идет речь. И так, высшие психические функции сначала складываются в социальных отношениях между людьми и только потом переходят во внутренний план, становятся внутренними психическими функциями, то есть интериоризируются. Поэтому бессмысленно искать истоки человеческого сознания в организации структур мозга – они находятся в системе социальных отношений. В этом если не главная, то одна из главных отличительных особенностей подхода Выготского к проблеме развития сознания. И это действительно правильно и это действительно отражает существенное в законе Выготского.

Существенное, но не все. Но так ли все просто и так ли все очевидно при такой интерпретации основной формулировки основного закона. И не выглядит ли Выготский здесь как представитель классического бихевиоризма?

Всякая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцене дважды. Заметим, речь идет не о психическом развитии, не об интеллектуальном развитии, а именно о развитии культурном. Это, во-первых. Во-вторых, вслед за Н. Вересовым (статья в № 85 журнала «НЛО» за 2007 год) расшифруем эту формулу, раскроем ее значение. Всякая функция появляется в двух планах: сначала социальном плане, как драматическое столкновение двух людей, как коллизия, конфликт, противоречие, требующее разрешения и сопровождающееся эмоциональными личностными переживаниями, то есть как категория, и лишь потом она еще раз появляется внутри личности, но именно снова как категория – уже как столкновение позиций внутри личности, как событие *драмы развития личности*, как коллизия, конфликт, переживаемый человеком, как факт собственной судьбы.

Таким образом, механизмом культурного развития ребенка (произвольное внимание, логическая память, образование понятий, развитие воли) является опыт переживания, который включен как в процесс интериоризации так и в процесс экстериоризации.

Что дает основание утверждать, что Выготский имел в виду, именно такое прочтение, с использованием понятий «драматическое столкновение», «конфликт», «драма развития личности» и для нас имеющее принципиальное значение понятие «переживание», которое в законе появляется дважды. Сначала переживание как следствие межличностных столкновений, а затем переживание как следствие возникших новых позиций внутри личности.

Заметим, – пишет далее Н. Вересов, что Выготский чрезвычайно точен в деталях: не "на двух уровнях – социальном и психологическом", а именно в двух планах!!! одной сцены драмы! Нет никаких уровней, а есть одна сцена, – сцена нашей жизни, – на которой разворачивается драма развития личности.

И на ней, как и на сцене театральной, есть два плана – передний план (авансцена), на котором происходят внешние коллизии, столкновения характеров, по-

зиций, стремлений. И план второй – скрытый, неявный, индивидуальный, но не менее напряженный, где эта же категория, драматическое столкновение, разворачивается вновь.

Вересов продолжил дальнейший анализ знаменитой формулы, обратив внимание на слово, над которым мало кто задумывался в виду его очевидности – «категория». «В языке тогдашней культуры под словом “категория” понималось нечто весьма определенное: категория есть острое столкновение позиций, характеров, драматическая коллизия, конфликт между людьми или внутри человека, столкновение, сопровождаемое острыми эмоциональными переживаниями. Термин этот широко использовался в живописи, поэзии, музыке, но особенно – в театре, в языке театра, театральной режиссуры. В Словаре театральной антропологии это слово операционализировал Вс. Мейерхольд, с которым Выготский дружил, слово “категория” именно так и интерпретируется. В этой же словарной статье Вс. Мейерхольд пишет, что категория есть столкновение, открытый или скрытый конфликт, есть суть драмы, ее основная структурная единица. Драматическое произведение, в широком смысле, состоит из ряда событий – категорий, но и слова о том, что высшие психические функции появляются *на сцене* и что они появляются *в двух планах*, использованы Выготским отнюдь не как красоты, необязательные метафоры. Наоборот, они наиболее точно и полно выражают суть дела – далеко не каждое социальное отношение, социальное взаимодействие может стать внутренней высшей психической функцией, а только то, которое появляется на сцене как категория, как единица драмы.

Следует отметить, что для людей, живущих в *той* культуре и говорящих на ее языке, слово это было понятно и ни в каком переводе, ни в какой расшифровке не нуждалось. Нам расшифровка уже нужна.

Таким образом, закон культурно-исторического развития описывает две сцены человеческой жизни, связанные между собой переживанием и не завершающиеся при переходе во внутренний план, как не завершается человеческая жизнь. Надо отметить, что здесь речь идет о переживании, но не трагического одиночества, а переживание культурного роста в социальной ситуации развития.

Встреча вторая. Возвращение категории «переживание» в психологию.

В своих лекциях («Кризис трех лет» и «Кризис семи лет») прочитанных в 1933/1934 учебном году в Ленинградском педагогическом институте имени А. Герцена, Выготский отмечает: категория «переживание» занимает особое ведущее место в психологии и определяет это место. Переживание есть основная, ведущая единица (базовое понятие) для изучения личности и среды в их единстве так как «переживание и есть единица личности и среды, как оно представлено в развитии» [2]. До этого он никогда так определенно и очевидно не демонстрировал, определяя точку зрения на место «переживания» в психологии.

Давайте вместе с классиком, опираясь на его текст, перечислим признаки искомого понятия. Итак, какие признаки включает эта единица, выбранная для изучения единства взаимопроникновения личности и среды?

Во-первых, через переживание мы можем представить единство личностных и средовых моментов (Гуссерль – Левин – Выготский).

Во-вторых, переживание надо понимать как внутреннее отношение ребенка как человека к тому, или иному моменту действительности.

В-третьих, важнейшей характеристикой переживания является такой признак как интенциональность. Выготский отмечал: «Всякое переживание есть всегда переживание чего-нибудь. Нет переживания, которое не было бы переживанием чего-нибудь» [2].

В-четвертых, переживание индивидуально, так как всякое переживание есть мое переживание.

В-пятых, переживание имеет признак ситуативности, так как оно показывает, «чем данный момент среды является для личности» [2].

В. Франкл при описании категории «смысл» есть ощущение, что рассматривал текст Выготского, что исключено, что и удивительно.

Таким образом, Выготский выделил следующие признаки переживания: индивидуальность, ситуативность, интенциональность, что позволит рассматривать человека в единстве личностных и средовых моментов и свидетельствовать (судить) о характере отношения человека к фрагменту действительности.

Выделив основные характеристики переживания, Выготский объявляет место, которое должно занять эта категория в психологии: «действительной динамической единицей сознания, т.е. полной, из которой складывается сознание, будет переживание».

Завещание мастера. Теперь психологу исследователю хотелось бы получить ответ на очевидный вопрос как фиксировать, изучать переживание? Выготский не дает на этот вопрос обстоятельного ответа, он скорее намечает пути дальнейшего теоретического поиска. «Любой анализ трудного ребенка показывает, что существенна не сама ситуация, взятая в ее абсолютных показателях, а то, как ребенок переживает эту ситуацию» [2]. Я думаю допущение: «анализ трудного ребенка» сужает принципиальное положение Выготского, эта фраза более точно, на мой взгляд, должна звучать так: «для анализа человеческого поведения важно не сама ситуация, взятая в абсолютных показателях, т.е. измеряемая статистически, а то, как человек переживает эту ситуацию».

Далее Выготский делает предварительный методологический вывод: «Это обязывает к глубокому внутреннему анализу переживания ребенка, т.е. к изучению среды, которое переносится в значительной степени внутрь самого ребенка, а не сводится к изучению внешней обстановки его жизни. Анализ становится очень сложным, мы наталкиваемся здесь на *огромные теоретические трудности* (курсив мой. – Л.П.)» [2]. Провозгласив всю сложность теоретических трудностей, Выготский не объяснил ни что это за трудности, ни почему они возникли, для какой психологии это является трудностью. Может он сам и принял участие в создании этих методологических трудностей и ограничений? Возможно именно методология психологии Выготского, которую он активно создавал, а его ученики подхватили и пропагандировали, содержала ли в себе возможности для преодоления, объявленных теоретических трудностей в изучении переживания?

Итак, лекции 34/35 годов были впервые опубликованы в 1984 году. Эльконин Д.Б. – автор послесловия к четвертому тому собрания сочинений, где впервые были помещены лекции Выготского, полностью соглашается с мыслью учителя о необходимости взять за единицу сознания (психологии) – переживание, но отмечает, что вопрос труден и требует «коренного изменения стратегии и методов исследования». (как бы случайно в этом же году была опубликована книга Василюка Ф.Е., которая стала культовой для многих поколений отечественной психологии).

Эльконин сформулировал основные исследовательские принципы, которые позволят преодолеть.

1. Необходимы длительные индивидуальные исследования отдельных детей.
2. Применяемая в обычных исследованиях стратегия срезов с последующей математической обработкой, при которой теряется особенности перехода от одного периода к другому, для изучения этой проблемы едва ли может быть пригодна.

3. В центре внимания будущего исследователя необходимо поместить «отдельного ребенка, а не абстрактную статистическую среднюю величину» – утверждает Эльконин.

Итак, сделано немало, принципы заложены, трудности определены, осталось предложить инструментарий (но психодиагностический инструментарий базируется, вытекает из определенной методологии понимания человека), при помощи которого исследователь смог бы анализировать такую сложную категорию как «переживания». Мы уже знаем, как не надо изучать переживание: стратегия срезов не подойдет, среднестатистические данные ничего не скажут нам о переживании. Исследование должно быть монографическим, для чего в центр внимания следует поместить отдельного ребенка. Однако, следует признать, что недостаточно развернул, расписал методологию Д.Б. Эльконин, чтобы категории переживания был дан зеленый свет психологическому сообществу, ученый был недостаточно радикален, он даже делает шаг назад по сравнению с идеями Бахтина.

Однако, если отечественная психология относится к феноменологии как методу настороженно, то в мировой психологии и психотерапии она уже давно перешла границы рождения. (Я в РБ знаю только одного психолога, который овладел феноменологическим методом исследования).

В феноменологическом исследовании используются три основных источника сбора данных:

- а) отчеты испытуемых, полученные в ходе исследовательского интервью или изложенные письменно;
- б) рефлексивные самоотчеты исследователя;
- в) личные документы и общекультурные тексты, содержащие развернутые описания внутренней жизни человека.

Весьма богатым источником получения феноменологических данных в психологии могут служить всевозможные личные документы и общекультурные тексты: дневниковые, автобиографические записи, произведения литературы (рассказы, стихи, пьесы), мифы, фольклор, философские работы. Подобные тексты могут содержать в себе очень важные интуиции, богатые и чуткие описания душевной жизни человека, которые могут указывать на специфические характеристики, компоненты, составы переживаний. Можно указать на произведения Л. Толстого, Ф. Кафки, А. Солженицына, Ю. Мисима, И. Бунина, А. Чехова, А. Дефо, к которым психологи регулярно обращаются при анализе самых различных психологических феноменов. Приведу пример работ Б.М. Теплова в 1946 году.

Весьма продуктивным способом приложения феноменологии стало ее использование в психотерапии. Принципы феноменологии были взяты на вооружение Ф. Перлзом и К. Роджерсом. Создан оригинальный психотерапевтический подход Ю. Джендлина. Целый ряд идей и принципов феноменологии стал неотъемлемой частью экзистенциальной психотерапии (Р. Мэя, Р. Лэйнга, Дж. Бюджентала, Э. Кина, Д. Крюгера, А. Лэнгле, Э. Спинелли и др.), интегрировавшей такие идеи, как беспредпосылочность, наивность и открытость новому опыту, интенциональность, поток, структура переживания и пр.

Современные феноменологические концепции в психологии, как и колоссальное наследие феноменологии Гуссерля, требуют кропотливой работы психологов. В.П. Зинченко писал: изучение феноменологии Гуссерля – это задача, которая рано или поздно будет осознана психологией [4]. М.К. Мамардашвили считал феноменологию Гуссерля единственно продуктивной линией развития европейской философии [5]. К сожалению, – пишет Улановский, – до настоящего времени обсуждение идей феноменологии в психологии чаще всего сводилось либо к не-

продуктивному пересказу идей и понятий Гуссерля, либо к анализу вторичной литературы по психотерапии (1).

В заключении несколько вопросов. Что есть психология? Что она изучает? Что есть предмет психологии?

Я призываю прослушать уважаемых коллег доклад Б. Братуся на психологическом саммите в Петербурге 2–4 июня 2019 года. Душа, – говорит Братусь, – стала для Выготского и его коллег входным билетом, который был отдан, за право войти в сферу науки. Психология лишилась души. Последствия. Мы говорим об адаптивности к миру? Но кто для кого существует – я для мира или мир для меня? Еще Олпорт в 30 года говорил, что кривая Гауса не оставляет человеку шанса – шанса на существование.

Список использованной литературы:

1. Улановский, А.М. Качественная методология и конструктивистская ориентация в психологии / А.М. Улановский // Вопросы психологии. – 2006. – № 3. – С. 27–37.
2. Выготский, Л.С. Собрание сочинений в 6-ти т. / Л.С. Выготский. – М.: Педагогика, 1982.
3. Гуссерль, Э. Собрание сочинений / Э. Гуссерль. – М.: Гнозис, 1994.
4. Зинченко, В.П. Мысль и Слово Густава Шпета (возвращение из изгнания) / В.П. Зинченко. – М.: Изд-во УРАО, 2000
5. Мамардашвили, М.К. Стрела познания (набросок естественноисторической гносеологии) / М.К. Мамардашвили. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Маслова В.А.

ВГУ имени П.М. Машерова, Республика Беларусь, г. Витебск

Профессор, доктор филологических наук

mvavit@tut.by

УДК 81.82

ИНТЕГРАТИВНОСТЬ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ И ИХ РОЛЬ В ВУЗОВСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Статья посвящена вопросу преподавания гуманитарных наук в современном вузе, необходимости повысить роль гуманитарных наук, развитию интегративного (мультидисциплинарного) подхода в современных науках.

Ключевые слова: интегративность, мультидисциплинарность, гуманитарные науки, образование.

INTEGRATION IN THE HUMANITIES AND THEIR ROLE IN HIGHER EDUCATION

The article is devoted to teaching the humanities in a modern university, the need to increase the role of the humanities, and the development of an integrative (multidisciplinary) approach in modern sciences.

Key words: integrativity, multidisciplinary, humanities, education.

Введение. В XXI веке наблюдается неравномерное развитие наук: резкий скачок технических и слишком медленное развитие гуманитарных наук, основным предметом которых является **человек** в его мыслях и эмоциях, устремлениях и фантазиях. Как известно, естественные и технические науки нужны, чтобы человечество не погибло от голода, а гуманитарные – это панацея от одичания. О крене в область точных наук у нас в стране говорят цифры: согласно данным Г.В. Пальчика (интервью «Навуковой думке») – по педагогическим (гуманитарным) наукам количество защит по отношению к общему числу составляет 6%.